

Феномен медиатехнологий в философском дискурсе

Статья посвящена феномену медиальности как одной из важнейших характеристик средств массовой информации. Автор отстаивает положение об амбивалентной сущности медиа, которые, с одной стороны, призваны к соединительной миссии в отношении объектов окружающей действительности; с другой стороны, наоборот, именно медиа расчленяют слитную реальность на отдельные сегменты. Диалектизм и антиномичность соединительной и дифференцирующей функций СМИ следует учитывать теоретикам, исследующим медиаэффекты, имеющие парадоксальную специфику.

The article is devoted to the phenomenon of mediality as one of the most important characteristics of mass media. The author defends the position about the ambivalent nature of media, which, on the one hand, are called to a connecting mission in relation to objects of surrounding reality; on the other hand, on the contrary, it is the media that dissects the merged reality into separate segments. The dialectics and antinomies of the connective and differentiating functions of the media should be taken into account by theorists who study media effects that have a paradoxical specificity.

Ключевые слова: массмедиа, мера, связь, очищение, симплификация, смысл, элиминация, философский дискурс.

Key words: mass media, measure, connection, purification, simplification, meaning, elimination, philosophical discourse.

Философский афоризм «Человек есть мера всех вещей», принадлежащий античному софисту Протагору, известен всем. Чуть менее известно продолжение данного высказывания: «...существующих, что они существуют, не существующих, что они не существуют» [8, с. 390]. В классической трактовке это означает, что человек самостоятельно приписывает онтологический статус объектам окружающего мира, градуируя их от бытия божественного до абсолютного ничто, тем самым как бы подчеркивается радикальное сомнение субъекта в объективности действительности: она упаковывается в оболочку скептицизма. Именно с Протагора, по мнению исследователей, начинается отход человеческой мысли от слепой погруженности в мистическое созерцание, именно Протагор может быть признан родоначальником научного релятивизма [6, с. 68–69]. Однако вопрос, видимо, значительно глубже, чем банальная ранжировка философов по концептуальным вероучительным нишам.

Дело в том, что Протагору, как нам кажется, впервые в истории удалось разглядеть человеческое само по себе, которое станет вскоре базовым эталоном познания мира. По сути, была сконструирована узкоформатная рамка-прицел, через которую стало удобно постигать явления и процессы. До Протагора это было неудобно, поскольку человек как феномен был растворен в общем континууме мироздания наравне с другими вещами, не имея твердой точки опоры, чтобы преодолеть антропо-космический изоморфизм и перепрыгнуть из Мифоса в Логос [11, с. 166–167]. Бывший носитель хвороста одной изысканной фразой как бритвой обрезал все лишнее, что так долго мешало пропустить мир сквозь узкие врата разума. И вот после сделанной фокусировки вдруг темный пугающий мир осветился ярким светом понимания истинного положения вещей. Всё оказалось значительно проще в рассортированном согласно предложенной мере универсуме. Был сброшен за ненадобностью громоздкий мифопоэтический балласт застрявшего *in illo tempore* [14, с. 49] человечества.

Несомненно, протагоровский пафос потряс основания античного общества, которое вступило в череду кризисов, приведших к рождению новой – христианской – эпохи, мерой которой стал уже Богочеловек, рассуждавший о далеких прекрасных перспективах, а значит о прогрессе и движении времени, из змеи превратившемся в стрелу. Всё, что не касалось человека и Богочеловека, оперативно и без терзаний вынесли за условные гносеологические кулисы.

Необходимость протагоровской рамки снова возникает после того, как через полтора тысячелетия образовалась проблема уже христианской спутанности и перегруженности смыслов, помноженных на теоретический холизм и практический магизм эклектичного Возрождения. На Западе католицизм к XV–XVI вв. представлял собой рутинизированный *mix* из весьма витиеватых догматических формулировок и роскошествующей богослужебной практики, ясное понимание которых было затруднено по причине постепенного омертвления латыни, что вызывало справедливое возмущение масс и новой интеллектуальной элиты. Протестантизм совместно с наукой нарождавшегося модерна вновь осуществили процедуру аудита-очистки мировосприятия человека от громоздких напластований «непогрешимых» квазиметафизических идей и фарисейской доктринальности, по методу Протагора, значительно усовершенствовав его апотропейно-катарсический аппарат. «Рабочим инструментом», освободившим менталитет европейцев указанного периода от эвристической пробуксовки стал отрезок – геометрическая фигура, которую можно считать парадигмальным символом Нового времени [3, с. 193],

введенным в обращение Галилеем. У Галилея впервые приоритетно рассматривается движение от точки к точке, от мгновения к мгновению. Именно этот дифференциалистский подход, бывший немислимым, к примеру, в эпоху схоластики или в античные и, тем более, в первобытные времена, во всем, как отмечает А. Дугин, выделяет отрезок как промежуточное пространство, ограниченное с обеих сторон [3, с. 230]. «Во всём» – это означает, что техническая процедура расчленения (отреза) теперь тотально применяется в религиозной, политической, научной, социокультурной и прочих сферах жизни. Это важно, особенно если учитывать знаково-символическую подоплеку сферичности как метафоры цельности и холистской замкнутости, исповедуемые прежде в традиционных обществах. Науки теперь специализируются, общество секуляризуется, тенденции дробления проникают в политику и в сферу религиозных отношений, обособляя Небо от земли и вынося Бога за скобки при обсуждении узкопрагматических тем в рамках торжествующего деизма. Все вышеозначенные процессы, в конечном итоге, способствуют вызреванию капитализма и его обособлению от феодализма.

Особым устройством, стимулирующим возрастающие тенденции к обособлению вещей друг от друга, стала периодическая печать. Детище, произведенное на свет Иоанном Гуттенбергом в конце XV столетия, ко времени Декарта уже играло существенную роль в формировании рационалистического субъекта-индивида, творящего в режиме «знаю как» прозрачный для любопытствующего ума механистический дискурс. В этой связи очень соблазнительной выглядит задача выявления и переоценки медиальных качеств печати как института, до неузнаваемости трансформировавшего парадигму повседневности. В данной статье будет сделана попытка философско-культурологического пересмотра таких устойчивых с виду понятий, как медиа, медиация, медиальный с целью восстановления присущих им изначально смыслов.

Начнем с того, что изготовление печатной продукции под давящим прессом чем-то напоминает протагорову меру как с точки зрения человека, взятого за эталон, так и с точки зрения технологической операциональности. Во-первых, гуттенбергов печатный пресс антропоморфен [12, с. 168–174]. Во-вторых, печать представляет собой способ определения (создания неких пределов, границ), что естественно отсылает к мере, отмериванию, обмеру. Напечатанная газетная полоса не перестает оставаться оттиском или штампом, при помощи которого можно отделить, отхватить, дозировать, а значит, лучше понять и легче идентифицировать некий фрагмент бытия (как говорили древние, по частям разумеем). Печать – это мощный иден-

тификатор объектов именно в силу своей неслитности с единой нерасчлененной первоматерией. Она призвана нарезать эту первозданную субстанцию мелкими ломтиками, формируя тем самым систему взаимоотношений между ними. С некоторых пор не человек, а газетно-журнальная периодика становится мерой всех вещей и чуть ли ни единственным способом их сертификации в качестве действительно существующих. То, что не попадало в поле зрения представителей журналистского сообщества и редакторского корпуса, теперь становилось как бы дисквалифицированным. Периодическая печать мастерски, на манер гильотины, научилась купировать реальность, избавляя наблюдающую за ней аудиторию от хаоса лишних впечатлений, снижающих четкость понимания жизненной фактуры.

Как отмечают некоторые исследователи, сухой повествовательный тон продержался, в частности, в германской прессе в течение всего XVII столетия; даже события, волновавшие в свое время всю Германию (как, например, разрушение Магдебурга, битва при Лютцене, убиение Валленштейна), трактуются с чисто эпическим безучастием и индифферентизмом [10, с. 79]. Особая точность и отчетливость английской прессы, ее лаконизм, позволяли некоторым представителям высшего общества усматривать в ней роль «надежного руководителя». Интересно, что эта роль часто ограничивалась специфическими разговорами о туалете ее величества, экзальтированных манерах министров, спортсменов и аристократии. Это и должно было занимать внимание столичного бомонда [10, с. 120–122]. Получается, что родовая миссия печати состоит в том, чтобы не расширять, а, наоборот, ограничивать воззрения потребителей новостей, принуждая не растекаться мыслью по древу, а ужиматься и максимально сосредотачиваться в ментальной алгоритмике. Печать приучает пользователя к информационной диете и даже аскезе, предписывая видеть мир фреймированными рамками искусственной повестки.

Логика данных рассуждений заставляет нас отказаться от устойчивого представления о печати как медиуме, базовой коннотацией которого является, как известно, *связь* между разрозненными явлениями через посредничество [9, с. 59–60]. Любой периодический печатный орган чаще всего рассматривается как коммуникативный узел, объединяющий противоречивые позиции и точки зрения, вступающие в диалоговую переключку друг с другом. Однако данный аспект проблемы не должен заслонять обратную – *разъединяющую* – сторону медиальности. Вторгаясь в некую устоявшуюся систему отношений, медиум всегда располагается между коммуникантами. Тем самым он оттягивает на себя их энергию, автоматически увеличивая расстояние

между ними, что является серьезным экзистенциальным препятствием и фактором взаимного удаления, а не близости. Можно сказать, что не мир, но меч изначально принесла с собой периодическая печать – меч, образно рассекающий нерасчленённую массу реальности на страницы, разделы, рубрики, параграфы, абзацы, строчки, вмещающие в себя отцеженную, схематизированную квинтэссенцию бытия. Но тогда нам стоит признать, что печать с момента рождения была амедиальна.

Амедиальность как врожденное качество средств массовой информации, кажется, можно объяснить модой на философию и методологию Декарта, отчетливо проявившуюся на заре Нового времени. Декарт был мастером утилизации наносного и лишнего, гением отказа от второстепенного и приблизительного. Он был маниакально зафиксирован на удалении мешающих беспрепятственному ходу мысли деталей и чрезмерных подробностей. Приведем примеры, иллюстрирующие данное положение. В «Правилах для руководства ума» Декарт утверждает: «мы говорим здесь, что только и стоит по порядку обозреть все данное в некотором положении, отбрасывая то, что с очевидностью покажется нам не относящимся к делу, удерживая необходимое и откладывая сомнительное для более тщательного исследования» [2, с. 131]. В другом месте заявляется, что «...из бесчисленных измерений, которые могут быть изображены в нашей фантазии, нужно созерцать одним взором глаз или ума не более двух различных измерений...» [2, с. 143]. Больших объемов человеческое сознание не выдерживает.

Следует констатировать, что свои первые шаги европейская пресса делала по территории, рационально расчерченной по нормам картезианства, среди которых чистый математический расчет занимает одно из почетных мест. Именно рационализм как ведущий мировоззренческий тренд XVII–XVIII вв. сформировал особый амедиальный характер личности первых медиа. Марзаны, бабашки, реглеты, шпации [4, с. 68] и прочий, по сути, хирургический, остро отточенный арсенал средств точного измерения-обрезания бескрайней текстуальности жизни, стал эффективным монтажным станком конструирования нового мира, очищенного от неожиданностей и ошибок, стихийных и неконтролируемых импульсов. Газета отменяет мир как недоразумение и инфернальную пульсацию, заслоняя его идеальным порядком верстки, выдержанностью используемых шрифтов, стройностью колонок и выверенностью интерлиньяжа. Спутанное синкретичное бытие было отцензурировано до уровня внятной газетной модели, а затем адаптировано под скудный кругозор рядового обывателя-буржуа.

Процесс освобождения объекта от неочевидных уз, связывающих его с другими объектами, стал навязчивой идеей и устойчивым лейтмотивом, который передался журналистике по наследству. Этот мотив дифференциации вещей проявится потом в стремлении журналистов по возможности избавляться в материалах от тяжелого фона пресуппозиции [1, с. 13] и рассекать толщу эмпирических данных на отдельные, удобные как в плане предъявления, так и потребления статьи (articles). Поясним, что в предыдущие эпохи дробная инженерная артикуляция нудных письменных нарративов не требовалась. Понять их мог лишь иерофант, – тот, кто имел достаточно времени и сил для дешифровки. Таким образом, медиа снимают стружку переизбытка реальности, они действуют как усреднители, редуцируя сложное до простого и примитивного, предоставляя допуск к знаниям широким слоям населения.

Как представляется, амедиальный характер медиа сохранялся в качестве доминирующей тенденции вплоть до момента их симбиоза с электричеством, который случился в конце XIX – начале XX в. Желание СМИ все аккуратно раскладывать по полочкам и упаковывать по отсекам постепенно выветривается с ростом симультанности репрезентации информации. Рассуждая о метаморфозах современной техники, Маршалл Маклюэн справедливо заметил, что именно «благодаря электрическим пленкам может симультанно происходить синхронизация любого числа различных действий», в связи с чем, «механический принцип аналитического членения на ряды пришел к своему концу» [7, с. 172]. С электричеством, по Маклюэну, стартовала «эпоха Тревоги», вызванная, судя по всему, тем, что информационные потоки стали циркулировать внахлест и одновременно, а не порционно, как раньше. Отрефлексировать все параллельно приходящие извне сведения с каждым сеансом реципиенту, погруженному в условия информационного общества, становится все труднее.

Медиа только тогда, на наш взгляд, обретают свое привычно медиальное (связующее всё со всем) амплуа, когда получают возможность снабжать нас данными нужными и ненужными, причем в режиме нон-стоп и как попало. Сегодня из лексикона специалистов куда-то исчезли понятия лишнего, ненужного, факультативного. Любопытно, что это исчезновение трактуется некоторыми теоретиками как благо. В частности, французский социолог Бруно Латур разработал весьма экстравагантную акторно-сетевую теорию (АСТ), которая принципиально отказывается от любых парадигмальных ограничений и учитывает при изучении обособленных объектов правило, согласно которому опыта значительно больше, чем видит глаз [5, с. 153]. АСТ сориентирована на

демонтаж спасительного оккамовского табу, запрещавшего ученым без особой необходимости умножать сущности. Б. Латур рекомендует «кормиться разногласиями», «учиться останавливаться на каждом шагу» и «придавать особое значение фактору неопределенности», к примеру, – скрупулезно отслеживать влияние, которое оказывают на процессы акторы, получившие сводное название «нечеловеков».

В ситуации повышенной неопределенности «психологический тремор» становится закономерной защитной реакцией, а игра – лучшим средством от стресса. Беспорядочное жонглирование разнокалиберными новостями и неумение логически состыковать принятые месседжи не только на индивидуальном, но даже на государственном уровне, становится опасным знаменем времени. В сфере практической журналистики данная тенденция все сильнее проявляется в укреплении позиций так называемых новых медиа [9, с. 104], делающих ставку на такие качества массовой коммуникации как интерактивность и гипертекстуальность, раздвигающие до бесконечности границы любого разговора. В жанрообразовании это привело к созреванию и дальнейшей неконтролируемой экспансии лонгридов, гигантских текстов без фиксированных границ и какой-либо акцентуации, наподобие «Чернобыля» [13]. Погружение в лабиринты лонгридов гарантирует аудитории бесперспективное холостое блуждание без обретения смысла, поскольку известно, что смысла не имеет то, что не имеет конца.

В заключение необходимо еще раз зафиксировать мысль о том, что массмедиа как феномен на сегодняшний день все еще остаются для исследователей настоящей загадкой. Некоторые характеристики средств массовой информации, открытые ранее, с развитием новейших технологий утрачивают свою актуальность или приобретают иное значение, подчас, прямо противоположное общепринятому. Одним из таких парадоксальных сдвигов в понимании специфики медиа стала семантическая трансформация их основного качества – медиальности. Анализ показал, что медиальность в применении к СМИ должна рассматриваться в биполярной системе координат. Имеется в виду, что СМИ, бесспорно, обладают сегодня объединительно-контаминативным потенциалом, связывая разрозненные объекты окружающего мира в единый слитный комплекс. Однако так было не всегда и поэтому нельзя забывать об изначально дифференцирующей функции медиа, которые в пору своей рациональной юности внесли в синкретическое состояние мира структуру и порядок. Процедура очищения действительности от эвентуального мусора посредством периодической печати, растянувшаяся на несколько столетий, представляет собой перекраивание одряхлевшего мира и добавляет катар-

сическую свежесть в человеческие отношения. Она действует отрезвляюще на ищущих лучшей доли вне пределов земных обстоятельств, на тех, кто неистово практикует метафизический эскапизм. В ателье медиа талантливые «модельеры» XVI–XVII вв. изобретают значительно более приземленные поведенческие фасоны, употребление которых постепенно преобразует действительность: прагматизм, ответственность, предпочтение далекому близкого.

К сожалению, с приходом электрической эры симулятивные экзистенциальные излишества входят в обиход СМИ: нормой становится ситуация сочетания необходимого с эксцентричным, подлинного с имитативным, возвышенного с низким. Мир сталкивается с перспективой отката к нерасчлененному первобытному хаосу. Кажется, что медиа в своей мультikonвергентной ипостаси больше не справляются с задачей четкой структуризации бытия, и трудно сказать, что заменит их в качестве удерживающих порядок.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие. – М.: Логос, 2004.
2. Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Сочинения в 2 т. – Т. I. – М.: Мысль, 1989.
3. Дугин А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. – М.: Арктогея-Центр, 2002.
4. Королькова А. Живая типографика. – М.: IndexMarket, 2007.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
6. Лега В. П. История западной философии. Часть первая. Античность. Средневековье. Возрождение. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.
7. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. – М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003.
8. Протагор // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1986.
9. Савчук В. А. Медиафилософия. Приступ реальности. – СПб.: Изд-во РХГА, 2014.
10. Саламон Л. Всеобщая история прессы // История печати: Антология: Т. I. / под ред. Я. Н. Засурского и Е. Л. Вартановой – М.: Аспект Пресс, 2002.
11. Семушкин А. В. У истоков европейской рациональности. (Начало древнегреческой философии). – М.: Интерпракс, 1996.
12. Цуканов Е. А. Медиа как новый бог ургийной культуры: сотворение Техно-Пуруши // Знак. Проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 3 (29). – С. 168–174.
13. Чернобыль. Земля отчуждения. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/projects/chernobyl>
14. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994.

Статья поступила: 28.11.2019. Принята к печати: 31.01.2020